

Д. и. н.,
гл. н. с. СОИГСИ
В.Д. Дзидзоев

Осетино-кабардино-балкарские отношения в контексте политики России на Северном Кавказе* (XVIII—нач. XXI в.)

В.Д. Дзидзоев

Осетины, кабардинцы, балкарцы и русские издавна соседствуют и имеют славные традиции дружбы, взаимовыручки и гостеприимства. Затронутая тема настолько интересна и поучительна, что достойна отдельной книги или диссертации. Но мы ограничимся пока докладом.

Исторически и географически сложилось так, что ближайшими соседями кабардинцев были балкарцы и осетины. Профессор М.С. Тотоев по этому поводу писал: «Общность социальных интересов являлась одной из основ мирных отношений между крестьянскими массами Осетии, Кабарды и Балкарии», их связывали и «общие экономические интересы. Они между собой вели торговлю, часто вступали в брачные отношения» [1]. В этой связи большой интерес представляет сообщение кабардинских князей Магомед Атажукина, Адильгирея Гиляхстанова и кумыкского феодала Хамзина, сделанное в ноябре 1743 года в Коллегию иностранных дел Российской империи, где, в частности, говорилось: «Шестой народ Дюгор (диггорцы. – *В.Дз.*), седьмой народ Сюрдюгор (стурдиггорцы. – *В.Дз.*). Живут в горах по вершинам реки Урюха (Ирафа или Уруха, что одно и то же. – *В.Дз.*) и двух ближайших рек против Малой Кабарды (нынешний Терский район Кабардино-Балкарской Республики. – *В.Дз.*) расстоянием от деревни владельца Адильгирея Гиляхсанова (кабардинский князь. – *В.Дз.*) день езды и с тою Малою Кабардою постоянно имеют мир и некоторою малую кабардинцам дают и дань и взаимно между собою и женятся. Дюгоры и сюрдюгоры на кабардинках, и кабардинцы на их дочерях» [2]. Этот архивный документ в целом правдиво воссоздает

состояние осетино-кабардинских отношений 260 лет тому назад. Тесное и постоянное общение между народами Кабарды и Осетии диктовалось прежде всего вопросами экономического порядка. В первую очередь это был вопрос о земле. В памяти народа сохранились сведения о том, что осетины-диггорцы совместно с балкарцами пользовались обширными пастбищами под названием «Харес» (в Дигорском ущелье Северной Осетии высоко в горах. – *В.Дз.*). Они не раз вместе противостояли попыткам социальных верхов Дигории, которые пытались превратить эти земли в свою собственность [1, с. 142].

В XVIII веке предгорная равнина нынешней Северной Осетии находилась в определенной зависимости от сильных и влиятельных кабардинских феодалов. У входа в Дигорское ущелье были владения кабардинских князей Мулдаровых, у входа в Куртатинское ущелье, где ныне с. Дзуарикау, находилось владение Барукино, которое принадлежало крупному кабардинскому князю Адильгирею Гиляхстанову. Далее к западу от Барукино лежали владения Кубатей-кабак, Эльтюхов-кабак, Камбекуков-кабак, Тузаров-кабак и другие [1, с. 141–142]. Осетины могли пользоваться землями предгорной равнины только с согласия кабардинских князей. Следует особо подчеркнуть, что решение проблемы малоземелья было жизненно важным для осетинского народа. Так, например, в донесении архимандрита Пахомия в апреле 1755 года говорилось, что осетины «живут в горах весьма тесно и неисправно, для своего пропитания (крестьяне. – *В.Дз.*) не имеют пашенной земли, где сеять хлеба и прочее» [3]. Такое тяжелое положение вынужда-

* Доклад был сделан 16 марта 2007 года на Общем собрании Владикавказского научного центра РАН и РСО-А.

ло многих осетин ценой невероятных усилий делать все необходимое для переселения на равнину, где доминирующее положение занимали кабардинские феодалы. Многие осетинские владельцы, т. е. старшины или феодалы, на определенных договорных условиях с кабардинскими князьями выселялись с гор на плоскость. В результате этого возник ряд осетинских селений: Туганово – ныне с. Дур-Дур, Каражаево – ныне с. Хазнидон, Кет, Карагач и др. [1, с. 141]. Замечу, что Кет находился недалеко от нынешнего Хазнидона, а Карагач – недалеко от нынешнего Урсдона. Сегодня на карте Осетии нет этих двух сел. Как отмечал профессор Б.В. Скитский, «особенно выгодным было расположение земель Тагиатов (тагаурских феодалов. – *В.Дз.*), владевших главным путем, связывающим Северный Кавказ с Закавказьем – Дарьяльским ущельем, а также дигорцев, ведущих торговлю с Закавказьем и Кабардой» [4].

В хозяйственной жизни осетин все большую роль начинало играть земледелие. Русский офицер Л.Л. Штедер, направленный правительством России в Осетию в 1781 году, писал: «... в садах они разводят, по примеру кабардинцев, бобы, турецкий маис, редьку, огурцы и большое количество обыкновенного зеленого табака. Всем этим они торгуют с Моздоком. Они хорошо обрабатывают поля и обменивают излишки на скот у кабардинцев» [1, с. 141]. Другими словами, сама жизнь диктовала суровую необходимость близких хозяйственных и родственных отношений осетин с соседними народами, в первую очередь с кабардинцами, балкарцами и русскими.

Если учитывать изолированность горной части Осетии в XVI–XVIII веках, то становится понятным особое значение ее связей с Кабардой. Последняя вела регулярно оживленную торговлю с Россией, Крымским ханством и Турцией. О размерах этой торговли дает представление следующий факт. В 1747 году из Кизляра в Кабарду прибыл караван русских купцов численностью более 100 человек [5]. Поэтому Осетия, хотя и не имела в первой половине XVIII века непосредственных широких связей с Россией, могла через территорию Кабарды поддерживать торговые контакты с проезжими русскими купцами и гребенскими казаками. Чаще эти операции протекали в форме натуральных обменов. Осетины обменивали в Кабарде свои продукты сельского хозяйства и изделия кустарной промышленности, получая взамен ткани, соль, изделия из железа, хлеб и др.

Знаменитый немецкий ученый-лингвист Генрих-Юлиус Клапрот в работе «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг.», писал: «Дигорцы не могут обходиться без Кабарды, получая оттуда соль, а в неурожайные годы – прося, а неурожай в их возвышенной стране – обыкновенное явление» [1, с. 142]. Заметим, что ученый правильно подметил тяжелое экономическое положение осетин-дигорцев.

Дальнейшему развитию обменной торговли между Кабардой, Осетией и Россией способствовало основание городов-крепостей Кизляра (1736 г.) и Моздока (1763 г.). Русское правительство, заинтересованное в экономическом освоении Северного Кавказа, содействовало переселению в эти населенные пункты горцев, как владельцев земли, так и зависимых от них крестьян. Например, в 1764 году в Моздоке насчитывалось 116 кабардинских семей [6]. Известно, что здесь кузнечным ремеслом занимались преимущественно осетины и черкесы [7]. В окрестностях Моздока возникло совместное поселение кабардинцев и осетин. Они владели вместе с жившими здесь армянами и грузинами земельным участком № 141, который занимал большую территорию от Терека до Сунжи [8]. Переселенцам предоставлялось право беспшлинной торговли, свободного обмена своих продуктов на мануфактуру, соль, железо и прочие товары.

Все большее втягивание народов Северного Кавказа в торговлю с Россией в XVIII веке приводило к постепенному переходу меновой торговли в денежную, способствовало выходу этих народов из замкнутости натурального хозяйства.

Присоединение Осетии к России явилось закономерным историческим процессом, в котором большую роль сыграла огромная предварительная работа, проведенная Осетинской духовной комиссией. По мнению профессора М.М. Блиева, российское правительство стремилось превратить ее в инструмент, с помощью которого пыталось реализовать свои планы на Центральном Кавказе [9]. Комиссия, развернув свою деятельность с 1745 года, опиралась на поддержку пророссийски настроенных, влиятельных кабардинских князей. Еще до отправки в Осетию канцлер А.П. Бестужев-Рюмин предложил воспользоваться услугами таких влиятельных кабардинских князей, как Магомед Атажукин и Адильгирей Гиляхстанов, которые могли обеспечить безопасность миссионеров [10]. В декабре 1744 года Синодом, как одним из высших

государственных органов России, были выданы членам духовной комиссии, направлявшиеся в Осетию, рекомендательные письма к кабардинским князьям и феодалам Адильгирею Гиляхстанову, Мудару Жангеру и Багырмизе Мударову [11], отличавшимися своей пророссийской ориентацией.

В начале мая 1745 года кизлярский комендант князь В. Оболенский сообщил в Синод о пропуске миссионеров в Кабарду [11, л. 182]. Здесь члены комиссии остановились у кабардинского князя А. Гиляхстанова, у которого находились несколько дней. Архимандрит Пахомий (грузин по происхождению) в своем донесении сообщал, что «владелец Адильгирей нас принял с почтением..., а по трех днях поехал с нами и провел нас даже в свое Татартупское владение..., и 15 мая повел нас оный князь Адильгирей к Осетии» [11, л. 219, 12]. Замечу, что «Татартупское владение» князя А. Гиляхстанова благодаря своему географическому расположению играло важное значение в регионе. Поэтому его владелец являлся одним из наиболее влиятельных северокавказских феодалов в середине XVIII века.

О том, что духовная комиссия получала с самого начала существенную поддержку со стороны кабардинцев, свидетельствует и такой примечательный факт, как основание миссионерского учреждения («подворья») на территории Малой Кабарды при «Баруковом кабаке» [9, с. 10, 137, 142, 163]. В 1765 году Турция выразила протест, указав, что расположение Осетинского подворья в Кабарде противоречит условиям Белградского договора [13].

Русские документальные материалы XVIII века, в которых отражаются русско-осетинские отношения, показывают, что пророссийски настроенные кабардинские князья и феодалы играли в них регулярную активную посредническую роль. Поручик Осетинской духовной комиссии А. Бибирюлев в декабре 1747 года доносил в Синод об отправлении из Кизлярской крепости конвоя для препровождения архимандрита Пахомия из Осетии в Кизляр и о возможной помощи со стороны князя Адильгирея Гиляхстанова в присылке туда же игумена Николая и его брата Кайхосро Махотелова [9, т. 1, с. 118–120].

С просьбами о содействии и помощи руководители комиссии обращались и к владельцам Большой Кабарды, в частности к влиятельному князю Магомеду Кургокину [9, т. 1, с. 201–202].

В упрочении русско-осетинских отношений важную роль сыграла поездка авторитетных и влиятельных представителей осетинских обществ в Пе-

тербург в середине XVIII века. В беседе, прошедшей 29 октября 1751 года между статс-секретарем и советником Коллегии иностранных дел Российской империи В.М. Бакуниным и осетинскими старшинами, входившими в посольство, был затронут вопрос о внешнеполитическом положении Осетии. В частности, говорилось: «...Они (осетины. – *В.Дз.*) со всеми кабардинскими владельцами, а паче с Адильгиреем Гиляхстановым издавна имеют дружбу и соседство, во время неприятельских на Кабарду походов оные владельцы малолетних своих детей для лучшего охранения присылают к ним в Осетию. И поэтому они от кабардинцев опасений не имеют» [9, т. 2, с. 304]. Как на своего главного противника, от которого терпят урон, послы указали на Крымское ханство [9, т. 2, с. 304].

Кабардинцы оказали значительную помощь и русским геологическим экспедициям в Осетии, организованным правительством России в 60–начале 70-х годов XVIII века. Коллегия иностранных дел России испытывала затруднения в организации разведки залежей цветных металлов на ее территории из-за сложных политических событий. В документе, направленном ею астраханскому губернатору Н.А. Бикетову в декабре 1767 года, говорилось: «Счастливая только война с Портою Оттоманскою, начинаемая когда-либо со здешней стороны по важным причинам или с ее стороны объявляемая по каким-либо намерениям, может облегчить предприятие горных работ как в Осетии, так и потом в других тамошних местах. Ибо для этого надобно будет при последующем мире употребить все старание выговорить здешнее подданство кабардинцев как в тамошней стороне знатнейшими почитаемыми и примеру которых другие следуют» [9, т. 2, с. 123].

Один из членов первой геологической экспедиции ротмистр А. Киреев в докладной записке от 21 июля 1768 года о поездке в Осетию писал: «...Во-первых, заехали в жилище Малой Кабарды владельца Росломбека Таусултанова, но, не найдя его в доме, явились той же Кабарды ко владельцу Ботоке Таусултанову, коим приняты ласково, и под провожением его проезжали во осетинское подворье. А оттуда в Куртантинский уезд, где оной владелец Боток остался...» [9, т. 2, с. 182].

XVIII век ознаменовал начало нового периода в истории осетинского народа. С присоединением Осетии к России были созданы условия для более успешного развития экономики и культуры, открывшие пути проникновения русской и мировой культуры в Осетию. Возникновение осетинской пис-

менности, распространение грамотности и усвоение осетинами русского образования и культуры [14]. Во многом этому способствовала деятельность Осетинской духовной комиссии. 24 апреля 1775 года астраханский губернатор П.Н. Кречетников отмечал: «Как уже от 2 декабря 1774 года Вашему Императорскому Величеству реляциею моею донесено, что, сами Малой Кабарды два владельца Кайтука и Келемет Ахловы, и потом все осетинские старшины двадцать человек письменно просили Осетинское подворье возобновить и в том строении помогать обещались защищением от разных нападений и сами вышед из гор, около оно-го поселитца» [9, т. 2, с. 354; 12, с. 310]. Данный документ, который приводится без редакторской правки, с особенностями стилистики того периода, свидетельствует о давней мечте осетин переселиться на плоскость и жить мирно в добрососедстве с кабардинцами и русскими. Следует особо отметить, что в истории взаимоотношений кабардинского, балкарского, русского и осетинского народов наиболее благотворными были хозяйственные, культурные, а также кровно-родственные связи. Они заметно укрепляли взаимоотношения между народами региона. Сегодня в Осетии и в Кабардино-Балкарии есть немало осетин, русских, кабардинцев и балкарцев, которые состоят в родственных отношениях между собой. Важно подчеркнуть, что этим отношениям уже более 200 лет. Обращаю внимание и на то, что в двух республиках есть немало одинаковых фамилий (например, Кабалоевы, Елеевы, Макоевы, Барсаговы, Коковы, Фидаровы, Текаевы, Созаевы, Караевы и другие), представители которых считают себя родственниками. Некоторые из них периодически устраивают то в Кабардино-Балкарии, то в Осетии фамильные кувды (пиры), куда большинство представителей фамилии организовано приезжает. Важно, что на этих пирах обязательно присутствует молодежь с обеих сторон, и она больше узнает о родственных и добрососедских отношениях.

Уважаемые гости! Уважаемые коллеги и присутствующие! Для отечественной исторической науки большой интерес представляет изучение многовековой истории культуры народов, входящих в состав Российской Федерации. Даже в начале XXI

века некоторые страницы истории народов Северного Кавказа не разработаны или слабо изучены. До сих пор недостаточно изучены жизнь, мировоззрение, общественные и философские взгляды отдельных выдающихся представителей горцев Северного Кавказа. Одним из них, на мой взгляд, является талантливый сын балкарского народа, видный музыкант XIX века, просветитель балкарского народа Султан-Бек Асланбекович Абаев (1845–1888). Две причины заставляют меня сегодня вспомнить об этом незаурядном музыканте. Во-первых, его биография и творчество недостаточно изучены, а между тем он заслуживает, чтобы о нем знали больше не только на Северном Кавказе, но в целом и в Российской Федерации; во-вторых, он долгое время жил во Владикавказе, где регулярно выступал на различных концертах, был в близких отношениях со многими видными владикавказцами, дружил с осетинами, русскими, кумыками, евреями и т.д.

Газета «Терские ведомости» в 1888 году писала о покойном Султан-Беке Абаеве: «...право, это такой даровитый человек, о котором стоит поговорить». В жизни неординарного и одаренного скрипача было все: взлеты и падения, радости и разочарования, материальные затруднения и драмы в личной жизни. Впрочем, как и у всех талантливых людей. Он учился в Петербургской музыкальной консерватории, но не закончил ее из-за материальных затруднений. Экзамены у него принимал «польский Паганини», выдающийся скрипач, профессор Санкт-Петербургской консерватории профессор Генрик Венявский¹, у которого впоследствии он и учился. Вернувшись из столицы, он долгое время жил во Владикавказе. В его жизни были такие взлеты и триумфы, которыми может гордиться даже целый народ. Однако в биографии Абаева есть и немало невыясненного, порой запутанного и противоречивого. Отец музыканта Асланбек Абаев был известным балкарским таубием (привилегированное сословие балкарцев, представителей которого чаще называли «горскими князьями»), проживавшим за пределами Балкарии. С детства Асланбек находился в качестве аманата (заложника) в Георгиевской крепости. В 1823 году командующий Кавказскими линейными

¹ Венявский Генрик (1835–1880), выдающийся польский скрипач и композитор. Выступал с 1848 года как солист и ансамблист. Обогастил скрипичный репертуар (полонезы, мазурки и др.). Профессор консерватории в Петербурге (1862–1868) и Брюсселе. Высоко ценил Султан-Бека Абаева как музыканта и гражданина. Несколько раз Венявский выступал во Владикавказе. Последний раз в мае 1879 года. Положительных отзывов в печати о его концертах тогда не было.

ми войсками разрешил нескольким горцам, в том числе Асланбеку Абаеву, учиться «российской грамоте и другим первоначальным наукам». В 1834 году в числе других молодых горцев Асланбек был зачислен оруженосцем в лейб-гвардии Кавказский горский полуэскадрон и отправлен для прохождения службы в Петербург, где он провел четыре года. Следует отметить, что в это время в Петербург отправилась большая группа подростков – представителей коренных народов Северного Кавказа. С ними уезжал видный просветитель и первый кабардинский историк и фольклорист Шора Ногмов, а также осетин, поручик Асланбек Магомедович Туганов, впоследствии ставший первым из осетин генерал-майором (в 1851 г.) царской армии. В феврале 1834 г. командующий войсками Кавказской линии генерал-лейтенант А.А. Вельяминов сообщал командующему войсками Кабардинской линии полковнику Пирытинскому следующее: «Шеф жандармов, командующий Императорскою главною квартирою господин генерал-адъютант граф Бенкендорф² от 3 числа января, за № 7 уведомил меня, что состоящий лейб-гвардии при Кавказско-горском полуэскадроне переводчиком корнет Шора Бек Мурзин (Шора Ногмов. – *В.Дз.*) отправлен на Кавказ для сопровождения юнкера (воспитанник военного училища в дореволюционной России. – *В.Дз.*) того же полуэскадрона Мурзы Келембета Туганова, имеющего временное отсутствие здравого рассудка, с тем, чтобы по прибытии его, Шоры Бек Мурзина, прикомандировать его к поручику (офицерский чин в дореволюционной русской армии, ниже штабс-капитана. – *В.Дз.*) Туганову в помощь при следовании в Санкт-Петербург с малолетними детьми горских князей и узденей. Давая знать об оном Вашему Высокоблагородию, предписываю при отправлении поручика Туганова с означенными малолетними горцами прикомандировать к нему корнета Шору Бек Мурзина (Шору Ногмова. – *В.Дз.*), объявив о сем г. Туганову заблаговременно» [15]. Этот документ свидетельствует о том, что Асланбек Абаев был знаком с Шорой Ногмовым и Асланбеком Тугановым. Прослужив положенные четыре года в Кавказском горском полуэскадроне, Асланбек Абаев продолжал службу на Кавказе в отдельном

Кавказском корпусе. За участие в боевых действиях был награжден в 1840 г. орденом св. Анны 4-й степени. В 1845 г. у него родился сын (от первой жены Фатимы Абаевой, урожденной Суншевой) Султан-Бек. А в 1846 г. Асланбек оставил армейскую службу и вернулся в родной аул Шканти (в Балкарии). Раннее детство Султан-Бека прошло в Шкантах, где он и проявил свои музыкальные дарования. В 1854 г. по совету отца Султан-Бек Абаев поступил на учебу в Нальчикскую школу, которая была основана в 1851 г. В школе учились дети привилегированных горцев. Число воспитанников школы ограничивалось 25–30 учениками. В школе преподавали также основы Корана, татарский и арабский языки. Самые достойные ученики могли продолжить учебу в Ставропольской гимназии. В 1858 году туда отправили лучших учеников школы, среди которых был и С. Абаев. Гимназия пользовалась репутацией одной из лучших в России. Она достигла наибольших успехов в тот период, когда ее возглавил талантливый русский педагог Януарий Михайлович Неверов, о котором высоко отзывался К.Л. Хетагуров.

Немалую роль в судьбе С. Абаева сыграл тогдашний начальник Кабардинского округа князь В.В. Орбелиани. Он всячески старался помочь молодому музыканту. В ноябре 1858 г. он писал Я.М. Неверову: «Желая иметь сведения о дальнейших развитиях этого мальчика (Султан-Бека Абаева. – *В.Дз.*), я имею честь покорнейше просить Ваше высочородие уведомить меня, хорошо ли учится Султан-Бек Абаев и занимается ли он музыкою? Если же не занимается последним предметом и на это потребуется особая плата, то чего будет стоить преподавание ему музыки и какой именно?» [16]. Отвечая на это письмо, Я.М. Неверов сообщал: «Абаев делает очень хорошие успехи в науках, ведет себя отлично... Любовь к скрипке не оставляет Абаева и теперь, и все свободное от занятий науками время он посвящает музыке, и потому весьма желательно бы было дать ему учителя, но гимназия... не имеет никакой возможности платить за то деньги...» [16, л. 103]. К огорчению С. Абаева, в Ставрополе не было реальной возможности серьезно заниматься музыкой. А это было целью его жизни, и поэтому он продолжал искать возможности для совершенствования своего музыкального образования.

² Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844), русский государственный деятель (обрусевший иностранец), граф, генерал от кавалерии. Активный участник подавления восстания декабристов 1825 г. С 1826 г. – шеф жандармов и главный начальник 3-го отделения.

В 1859 г. в Петербурге было создано Русское музыкальное общество. Одной из своих задач общество ставило организацию в России консерваторий. В 1862 г. в Петербурге открылось музыкальное училище, о котором газеты страны писали с восторгом. Султан-Бек Абаев в том году учился в пятом классе Ставропольской гимназии, и с согласия отца юноша решил уехать для учебы в Петербург. Он обратился к начальнику Кабардинского округа князю В.В. Орбелиани с просьбой отчислить его из гимназии и отправить за счет государства на учебу в Петербургскую консерваторию. Князь В.В. Орбелиани помог юному скрипачу. В письме на имя директора консерватории он писал: «Общее неперемное желание жителей Кабардинского округа есть одно из редких проявлений между кавказскими горцами на пути медленного движения их к цивилизации и потому повторяю Дирекции мою покорнейшую просьбу не отказать в принятии его (Султан-Бека Абаева. – *В.Дз.*) в число воспитанников консерватории, если бы даже не попала эта просьба моя к определенному по положению времени, и не поставит желанию народа препятствия, которое он не поймет так, как понял бы русский...» [17]. Можно предположить, что послание В.В. Орбелиани сыграло положительную роль в судьбе С. Абаева. В августе 1862 г. юный балкарец прибыл в столицу Российского государства, где поступил в консерваторию. Здесь С. Абаев встретился с лучшими музыкально-педагогическими силами России и Европы. Среди них был основатель консерватории А.Г. Рубинштейн, Ф.О. Лешетицкий, А.А. Дрейшок, Н.И. Заремба и другие. Скрипичный класс вел выдающийся специалист Генрик Венявский, у которого и начал учиться юный горец. Он приехал в Петербург стипендиатом Кабардинского войска. В 1862–1863 годах все шло по плану. Деньги поступали из Нальчика, и Султан-Бек мог нормально жить и учиться. Трудности и мытарства начались потом, когда по разным причинам С. Абаеву перестали выплачивать стипендию, и ему пришлось поселиться среди своих земляков-горцев, которые служили в лейб-гвардии Кавказского горского полуэскадрона. Он начал пропускать занятия, где попало подрабатывая на кусок хлеба. Это вынудило С. Абаева поступить на службу в Кавказский горский полуэскадрон. Тем самым он решил какие-то свои проблемы, но появились и новые. По закону, поступивший на службу лишался права на побочные занятия. Таким образом, Султан-Бек не мог посе-

щать занятия в консерватории. Однако существует версия, что военное начальство удовлетворило «просьбы настойчивого горца», и ему было разрешено продолжить занятия музыкой в определенные дни. Учиться становилось очень трудно, а жизнь ставила перед молодым человеком все новые и новые проблемы. Его отец залез в такие долги, которые не мог выплатить. Он умер 22 октября 1868 года, оставив без средств к существованию шестерых детей, старшим из которых был Султан-Бек.

Кабардинское окружное начальство окончательно отказалось платить за обучение С. Абаева. Таким образом, мечта об окончании Петербургской консерватории для Султан-Бека Абаева осталась несбыточной. Малым утешением для него могло быть то, что в августе 1869 его произвели в прапорщики.

В ноябре 1869 г. Султан-Бек Абаев приехал во Владикавказ. По свидетельству газеты «Терские ведомости», он дважды выступил с концертами в доме осетина Иналука Гадоевича Тхостова. Появление молодого, бесспорно одаренного скрипача стало событием во Владикавказе. Передовая интеллигенция города заинтересовалась личностью музыканта. Она же и предложила скрипачу выступить с концертом, который был назначен на 21 декабря 1869 г. в зале Владикавказского собрания. В концерте приняли участие местные любители музыки И. Реннерт, Р. Битиев, А. Жукаев, М. Коченов, Х. Есиев и другие. Концерт прошел при переполненной зале, а выступление Абаева сопровождалось бурными аплодисментами и произвело сильное впечатление на публику. Это тем более знаменательно, что всего год назад владикавказская публика принимала выдающегося скрипача, профессора Петербургской консерватории Генрика Венявского, и, таким образом, у любителей музыки была возможность сравнить игру двух мастеров. На страницах газеты «Терские ведомости» развернулась полемика о мастерстве музыкантов. В этой полемике большое место отводилось «незурядному скрипачу Султан-Беку Абаеву», который обладал от природы «русским музыкальным талантом». Газета писала, что «балкарец Абаев получил блестящее образование в Петербургской консерватории под руководством Венявского, отзывавшегося о нем, как об артисте, способном при дальнейшем усовершенствовании пойти далеко и достичь вершин музыкального мастерства» [18]. Говоря об успехе скрипача и отношении к нему владикавказской публики, автор рецензии подчерки-

вал: «Его (Абаева. – *В.Дз.*) встречали дружными рукоплесканиями, заставляли по два раза повторять некоторые пьесы, особенно «Венецианский карнавал», который Абаев исполняет неподражаемо. Чтобы владеть так свободно смычком и делать без малейшей натяжки и фальши самые неуловимые переходы, как это удается г. Абаеву, нужно родиться истинным артистом, а не сделаться музыкантом вследствие учения и навыка» [18].

Чтобы заслужить такую лестную оценку, нужно было, наверное, играть на уровне действительно выдающихся скрипачей середины XIX века. К этому можно было бы добавить, что «Венецианский карнавал», о неповторимом исполнении которого упоминается в рецензии, является одним из наиболее сложных в техническом отношении музыкальных произведений великого скрипача Никколо Паганини.

В конце 1869 г. дирекция прогимназии и местного пансиона Владикавказа организовала при учебном заведении занятия музыкой, пригласив на должность преподавателя Султан-Бека Абаева. Можно предположить, что если бы не огромный успех С. Абаева у публики, то не было бы систематических занятий музыкой во Владикавказе.

В горском пансионе было около 180 воспитанников. Из них 90 были осетины, кабардинцы, чеченцы, ингуши, грузины, армяне и представители других народов Кавказа.

Горцы Кавказа, издавна стремившиеся к образованию и просвещению, с большой радостью восприняли открытие занятий музыкой во Владикавказе. Они были объявлены добровольными, как писала газета «Терские ведомости», и уже в первые месяцы их посещали 38 воспитанников, в основном осетины, кабардинцы, кумыки, ингуши. Та же газета сообщала, что уже через 5 месяцев сформированный Абаевым оркестр из воспитанников пансионата «смог исполнить пьеску».

Заслугой С. Абаева можно признать и то, что в гимназические оркестры Ставрополя и особенно Владикавказа поступало все больше горцев, поклонников таланта и мастерства незаурядного балкарского скрипача. Газета «Кавказ» в № 113 за 1873 г. сообщала, что с октября 1873 г. в Тифлисе талантливым грузинским музыкантом Саванелли открыты бесплатные классы хорового пения, которые привлекли всеобщее внимание грузинской интеллигенции. Любопытно отметить, что Саванелли учился вместе с Абаевым в Петербургской консерватории. Разумеется, создание на Кавказе музы-

кальных классов и музыкального общества в начале семидесятых годов XIX века свидетельствует о возросшей потребности людей в музыкальном образовании. Этому в немалой степени способствовало и введение преподавания музыки в средних учебных заведениях Кавказа, и благосклонное отношение начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова, Я.М. Неверова и известного русского музыканта Н.А. Бородина (проживавшего с 1868 по 1870 гг. во Владикавказе) к распространению музыкальных знаний среди народов Северного Кавказа, и многое другое. Однако можно смело утверждать, что если бы не было таких талантливых людей, как С. Абаев и Саванелли, то ни в семидесятых, ни в восьмидесятых годах XIX века на Кавказе не было бы ни музыкальной школы, ни музыкального общества. Поэтому вклад в это благородное дело двух незаурядных музыкантов трудно переоценить.

Во Владикавказе С. Абаев сблизился со многими представителями горской интеллигенции. Особенно близкие отношения у него сложились с Ибрагимом Шанаевым, Иналуком Тхостовым, Михаилом Коченовым и Ражденем Битиевым. С Шанаевым Султан-Бека сближало как старое знакомство по Ставропольской гимназии, так и родство с женой Шанаева – Фузой Омаровной Шакмановой, балкаркой по национальности. Шакманова была близкой подругой младшей сестры Султан-Бека Ханифы (они почти 10 лет учились вместе в заведении св. Нины в Тифлисе). Есть основание предполагать, что женитьба Ибрагима Шанаева свершилась не без участия С. Абаева. По всей вероятности, Фуза Шакманова вышла замуж за Ибрагима Шанаева в 1877–1878 г. Между Шанаевыми и Абаевыми, а также Меликовыми (Ханифа Абаева вышла замуж за азербайджанского просветителя второй половины XIX века Гасан-Бека Меликова) поддерживались прочные дружественные и родственные связи. Ханифа-ханум Абаева часто приезжала из Балкарии во Владикавказ к Султан-Беку и своей подруге Фузе Шакмановой. Это подтверждается архивными данными и групповыми фотографиями тех времен, которые хранятся в музеях Кабардино-Балкарии.

Взаимоотношения С. Абаева с талантливым осетинским скрипачом Михаилом Коченовым в деталях нам, к сожалению, не известны. Однако газеты тех лет много писали о взаимном уважении и взаимопомощи этих музыкантов Владикавказа. М. Коченов был одним из способнейших воспи-

танников Ставропольской гимназии. Михаил соби-рался продолжить образование в консерватории, однако осуществлению этой мечты препятствовало трудное материальное положение семьи. Впоследствии Ставропольская гимназия выделила Коченову казенную стипендию, и он смог продолжить музыкальное образование. Однако нас интересует другое – отношение зрелого мастера С. Абаева к молодому, нуждающемуся музыканту. У горцев издавна считалось делом чести оказать бескорыстную помощь человеку, попавшему в трудное положение. Этим очень часто в жизни руководствовался Султан-Бек Абаев. Так, в феврале 1870 года он, стремясь помочь М. Коченову попасть в консерваторию, организовал концерт. В нем приняли участие 5 человек: Абаев, Коченов, ингушский скрипач Долгиев и две любительницы. Концерт проходил в переполненном зале и превзошел все ожидания. Газеты «Терские ведомости» и «Кавказ» дали о концерте восторженные отзывы. Характеризуя каждого музыканта в отдельности, рецензент больше восхищался исполнением «ингуша Долгиева» и «осетина Коченова», чем «исполнением кабардинского горца г. Абаева, замечательную игру которого не в первый раз уже слышала владикавказская публика».

Некоторые статьи в «Терских ведомостях» отмечали, что С. Абаев был сердобольным и великодушным человеком, готовым прийти на помощь любому, кто в этом нуждался. Более того, он давал благотворительные концерты, которые газета называла «доброй мыслью господина Абаева». Он много помогал бедным ученикам Лорис-Меликовского ремесленного училища Владикавказа, где учился младший брат Султан-Бека Кайтук Абаев, сиротам, оставшимся без родителей, ученицам Ольгинской женской гимназии, бывшим воинам царской армии, раненым, больным и просто нищим скитальцам. «Терские ведомости» в 1878 году сочли даже нужным опубликовать благодарность С. Абаеву «за пожертвованные им в пользу бедных учеников ремесленного училища 111 рублей, вырученных от данного им с благотворительной целью концерта во Владикавказе» [19]. Такая помощь нуждающимся может создать мнение, будто С. Абаев жил в достатке и роскоши. На самом деле это было не так – он получал всего 8 рублей в месяц. Будучи большим гуманистом, близко принимая к сердцу нужды других, испытывая необходимость оказывать помощь ближним, Султан-Бек Абаев, можно смело предположить, забывая о себе и со-

знательно лишая себя самого необходимого, помогал другим. Владикавказская публика восторженно встречала каждое выступление музыканта, называя его «виртуозом», «несравненным талантом», «любимцем владикавказской публики», «последователем Паганини», «необыкновенно интересным скрипачом» и т.д. Судя по прессе того времени, можно утверждать, что вершины творческого мастерства Абаев достиг в 1878–1880 годах. Именно тогда ему довелось выступать на владикавказской сцене вместе с признанными мастерами вокального и инструментального жанров, в том числе с выдающимися артистами петербургских и московских театров, приезжавшими на гастроли во Владикавказ. «Терские ведомости» даже предприняли попытку сравнить игру Султан-Бека Абаева с мастерством ведущих артистов Императорского театра и пришли к выводу, что «кабардинский горец г. Абаев ничуть не уступает в исполнительском мастерстве виртуозным мастерам Санкт-Петербурга и Москвы» и что он может составить достойную конкуренцию «маэстро, находящимся в зените своей славы» [15, с. 210].

При всей восторженности и симпатиях к «любимцу владикавказской публики», автор, на мой взгляд, допустил две ошибки. Он, как и некоторые другие, приписывает Абаева к кабардинцам. Вполне допустимо, что автор путал кабардинцев с балкарцами, или он считал их одним народом. Однако с этой неточностью исследователи легко разобрались. А вот другая ошибка была куда серьезней. Автор проводит параллель между С. Абаевым и «маэстро, находящимися в зените своей славы». Кто они – неясно: нет ни имен, ни фамилий, ни титулов. Судя по большинству статей и рецензий, ясно, что Султан-Бек Абаев бесспорно считался талантливым скрипачом своего времени и по праву пользовался уважением и любовью владикавказской публики, воспитав целый ряд одаренных музыкантов.

В 1880 году здоровье С. Абаева ухудшилось. Видимо, это было связано с тем, что он много работал, исполняя служебные обязанности учителя музыки и пения во Владикавказском реальном училище и в пансионе при нем, а также учителя пения в Ольгинской женской гимназии. Он также состоял при оркестре Терского казачьего войска, будучи прикомандирован к Сунженскому полку. Вскоре, оставив службу в Сунженском полку, Султан-Бек сосредоточился на работе в реальном училище, где занимал должности помощника классных наставников и учителя музыки. Он продолжал уча-

ствовать в благотворительных концертах, в том числе и в пользу вновь утвержденного благотворительного «Общества распространения образования среди горцев».³ Анализ газетных статей того периода, других архивных документов позволяет сделать вывод о том, что С. Абаев был в близких отношениях с осетинским музыкантом Ражденем Битиевым, который давал уроки музыки в нескольких учебных заведениях Владикавказа, в том числе и в классической гимназии. К сожалению, Р. Битиев умер в относительно молодом возрасте и не успел осуществить задуманное благородное дело. По случаю его смерти «Терские ведомости» в 1888 году писали: «Ражден Битиев... переносил на ноты ирмосы (род церковного песнопения. – *В.Дз.*) на осетинском языке и составлял нотный обиход, но преждевременная смерть (ему не было и 40 лет) положила предел его благотворительной деятельности» [19].

В биографиях, судьбах и в деятельности этих двух самобытных горцев много совпадений. С. Абаев, проживший 43 года, в последние годы своей жизни также взялся за переложение горских мелодий на ноты. Султан-Бек написал несколько собственных музыкальных произведений («Утро в горах (деревне)», «Обедня», «Горский марш» и др.). Эти рукописи, скорее всего, хранятся в каком-либо архиве. Отыскание этих рукописей представляет немалый интерес для истории музыкальной культуры не только балкарского народа, но и других народов Кавказа. С. Абаев умер от разрыва сердца 21 января 1888 года [20]. В некрологе, который был опубликован значительно позже смерти музыканта, было сказано: «Мы еще ни одним словом не упомянули памяти бывшего учителя музыки во Владикавказском реальном училище и даровитого скрипача Султан-Бека Абаева, пользовавшегося в свое время громкою известностью в области (Терской. – *В.Дз.*) и, особенно, во Владикавказе. Абаев умер после продолжительной болезни еще в конце прошлого года,⁴ в своем родном ауле (в Балкарии), и ни один из близких к нему лиц или друзей покойного до сих пор не сообщил в редакцию ни малейшей весточки о его смерти, о его воспитании и значении музыкальной молодежи. Между тем покойный Абаев, играя на скрипке,

владел таким редким по своей мягкости и нежности смычком, что вызывал всеобщее удивление и восторг и в этом отношении составлял гордость и украшение нашего края... Обращаемся к лицам, близко знавшим покойного, с просьбою сообщить в редакцию сведения о его жизни и деятельности: право, это такой даровитый человек, о котором стоит поговорить» [21]. Действительно, Султан-Бек Абаев – один из самых достойных сыновей братского балкарского народа, талантливый представитель горской интеллигенции второй половины XIX века заслуживает того, чтобы о нем и сегодня вспоминали с благодарностью. Его имя должно быть увековечено и во Владикавказе, где он жил на улице Московской, ныне ул. Кирова, в доме № 3 (в качестве квартиранта у Анны Анищенко). **Почему бы одну из улиц города, носящих невыразительные названия (Газовая, Восточная, Весенняя, Зеленая и т.д.), не переименовать в улицу Султан-Бека Абаева? Такое мудрое, дальновидное решение, на мой взгляд, будет способствовать восстановлению исторической справедливости и еще большему укреплению современных взаимоотношений Осетии и Кабардино-Балкарии.**

История взаимоотношений Осетии, Кабарды и Балкарии на протяжении XVIII–XX вв. достаточно богата, интересна и поучительна. На протяжении веков осетины, кабардинцы и балкарцы, соблюдая и приумножая лучшие традиции предков, поддерживали и совершенствовали дружеские (кунакские) и родственные связи. В современной Кабардино-Балкарии проживают многие осетины. Сегодня их около 15 тыс. человек. Многие из них внесли свою лепту в становление экономики, культуры, спорта и науки в КБР. В докладе трудно назвать имена всех достойных людей. Отмечу хотя бы некоторых, например, первого в КБР доктора философских наук, профессора, зав. кафедрой философии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова Б.Х. Цавкилова, профессора-педагога, зав. кафедрой педагогики и психологии КБГУ С.Б. Елканова, одного из основоположников вольной борьбы в КБР В.А. Кертанова, заслуженного мастера спорта СССР, неоднократного чемпиона СССР по вольной борьбе М.Г. Бекмур-

³ Полное наименование: «Благотворительное общество для распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области».

⁴ Здесь газета допускает ошибку. Есть архивный документ (см. ЦГА РСФСР-А, ф.130, д.714, л.5), из которого точно известно, что С.Абаев умер 21 января 1888 года, а не «в конце прошлого года», как утверждают «Терские ведомости».

зова, выступавшего в начале 60-х годов XX в. за нальчикский «Спартак» и завоевавшего серебряную медаль на чемпионате мира 1961 года в г. Иокогама (Япония) и т.д.

Этнические осетины, мастера спорта СССР по вольной борьбе и самбо Виктор Цакоев, Олег Урусов, Сергей Гогаев и другие на протяжении многих лет достойно защищали спортивную честь сборной команды Кабардино-Балкарии на всероссийских, всесоюзных и международных соревнованиях. Сегодня нужно вспомнить, конечно же, имена Б.Е. Кабалоева, С.Ц. Кебекова, М.Х. Дзагурова, В. Кудзиевой, Кусова, Галачиева и других осетин, которые на протяжении многих лет достойно трудились на руководящих должностях в Кабардино-Балкарии. Я вспоминаю их авторитетные имена не потому, что они занимали высокие партийные, государственные и хозяйственные посты. Они оставили добрую память о себе не только у руководства КБР, но и у простого народа. Сегодня это трудно переоценить в контексте нашей вечной и неизменной искренней дружбы и братской любви к Кабардино-Балкарии, к кабардинцам, балкарцам, русским и другим народам.

В братской республике высоко почитают талантливого ученого-садовода Кабардино-Балкарии А.Х. Авсарагова, которого любя называли «осетинским Мичуриным». Он оставил после себя в КБР прекрасные яблоневые сады вдоль федеральной трассы Владикавказ–Нальчик. Известный кабардинский поэт-фронтовик, председатель Союза писателей КБР в 70–80-е годы XX в. Адам Шогенцуков посвятил ему трогательное стихотворение, где есть и такие строки:

Песней приветствуя время цветенья,
Сам возрождайся и сам молодей,
Глядя на яблоню в белом кипенье,
Учишься жить и дышать для людей [22].

Всеобщее уважение к А.Х. Авсарагову в Кабардино-Балкарии, даже после его смерти, связано, на мой взгляд, с тем, что он делал большое, нужное и благородное дело для людей. Его мало интересовала национальная и религиозная принадлежность людей, для которых он старался делать добро. Когда говорят масштабные и благородные дела таких людей, как А.Х. Авсарагов, то все остальные, в том числе многочисленные «ура патриоты» и всевозможные националисты, должны умолкнуть.

Говоря о тесных дружеских контактах Кабардино-Балкарии и Осетии, нельзя не сказать и об

огромной роли вузов двух республик в укреплении братских отношений. Обращаю внимание на то, что вузы Кабардино-Балкарии подготовили немало специалистов высокого класса для Осетии. Среди них доктора философских наук, профессора А.К. Хачиров, бабушка которого была балкаркой (урожденная Мисирова) и Т.П. Лолаев, ныне заведующий кафедрой философии СОГУ. В стенах КБГУ учились многие известные осетины, среди которых Б.Е. Кабалоев, С.У. Кебеков, С.Б. Елканов, Джабраил, Агубекир и Мурат Караевы, К.И. Дедегкаев, М.Х. Дзагуров, С. Гогаев, О. Урусов, А. Барсагов и многие другие.

В диссертационном совете КБГУ защитили кандидатские и докторские диссертации десятки специалистов по отечественной истории из Осетии. Среди них нынешний директор СОИГСИ доктор исторических наук, профессор З.В. Канукова, а также профессора СОГУ Р.И. Цориев, В.С. Койбаев, О.Х. Дзобелов, доценты СОГУ и ГГАУ А.Т. Тамаев, Л.Б. Гагиев, В.Дз. Айларов, М.А. Гутиева и многие другие.

Сегодня уместно вспомнить легендарного кабардинского борца Мустафу Накова, который еще до Великой Отечественной войны выступал за команду Осетии на различных всероссийских и всесоюзных соревнованиях по классической (греко-римской) борьбе. Он первым из борцов Северного Кавказа завоевал бронзовую медаль на чемпионате СССР 1938 г. в Ленинграде, а до этого уверенно побеждал на чемпионатах Северной Осетии и Северного Кавказа. Традиции Накова продолжил другой кабардинец, выпускник факультета физвоспитания СОГУ, мастер спорта СССР международного класса по вольной борьбе Леонид Богатырев (ученик К.Н. Суменова), победивший на многих престижных соревнованиях, в том числе и международных. Он так же, как и Заур Хапов, тоже кабардинец, вратарь футбольной команды «Алания», в составе которой стал в 1995 году чемпионом страны, были и остались для десятков тысяч поклонников спорта в Осетии самыми близкими и родными людьми.

Многие руководители высшего звена Кабардино-Балкарской Республики, а также специалисты сельского хозяйства, образования, науки, культуры, спорта и т.д. получили образование, в том числе высшее, в Осетии. Так, например, в Горском государственном аграрном университете учились и закончили его в разные годы бывший около 30 лет руководителем КБР Т.К. Мальбахов, бывший министр

сельского хозяйства КБР профессор З.А. Шауцуков, бывший директор Института горного и предгорного хозяйства КБР профессор Л.А. Шомахов, его родной брат, бывший директор совхоза Ю.А. Шомахов и многие другие. Сотни специалистов сельского хозяйства подготовил ГГАУ для Кабардино-Балкарии, как и для других республик Северного Кавказа. Только за последние 10 лет в диссертационных советах ГГАУ защитили кандидатские и докторские диссертации десятки ученых из Кабардино-Балкарии, ставшие еще ближе к Осетии. Среди них доктора сельскохозяйственных наук, профессора Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии Л. Ашибоков, Т. Коков, И. Тамаев, С. Энеев и др.

В диссертационном совете СОГУ за последние 10 лет немало ученых КБР защитили кандидатские и докторские диссертации по специальности «отечественная история». Среди них доктора исторических наук, профессора Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова Б.К. Мальбахов, М.З. Саблиров, Е.Х. Апажева, кандидаты исторических наук, доценты Н.А. Стеблей, И.С. Бичиева и многие другие.

Уважаемые коллеги! Уважаемые участники Общего собрания ВНЦ РАН и Правительства РСО-А 2007 года! Тема моего доклада настолько интересна и богата уникальными фактами истории добрососедства между осетинами, кабардинцами, балкарцами и русскими, что для ее относительно полного освещения, как уже отмечалось выше, недостаточны даже специальные монографии и диссертации. В моем докладе, в силу жесткого временного ограничения, не получили освещения очень многие поучительные примеры и уникальные факты. Но даже то небольшое, что мне удалось доложить вам, уважаемые присутствующие, – убедительное свидетельство нашей вечной и нерушимой дружбы. Кабардинцы, балкарцы и русские были и остаются нашими родными братьями по духу, характеру и ментальности. Французский философ XVIII века Гельвеций писал: «Скажи мне, с кем ты близок, я скажу, кто ты» [23]. Каждый из нас может с гордостью и с исторической достоверностью сказать: «Нам очень близки кабардинцы, балкарцы и русские, и мы желаем, чтобы с другими народами у нас были такие же взаимоотношения».

Литература

1. **Тотоев М.С.** Кабардино-балкаро-осетинские отношения в XVI–XVIII веках // *Известия Северо-Осетинского НИИ. – Орджоникидзе, 1966. Т. 25. С. 36.*
2. **Российский государственный архив древних актов, ф. 199, оп. 348, д. 7, л. 1–4.**
3. **Русско-осетинские отношения (Сборник документов. Составитель и комментарии доктора исторических наук, профессора М.М. Блиева).** – Орджоникидзе, 1976. Т. 1. С. 37.
4. **Скитский Б.В.** Осетия в период феодальной раздробленности (XII–середина XVIII веков) // *Очерки истории горских народов. – Орджоникидзе, 1972. Т. 25. С. 294.*
5. **История Северо-Осетинской АССР. – М., 1959. Т. 1. С. 48–49.**
6. **Ларина В., Бешанова И.** Моздок. Исторический очерк. – Орджоникидзе, 1970. С. 12.
7. **Ларина В.** Очерк истории городов Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1960. С. 53.
8. **Калоев Б.А.** Моздокские осетины. Хозяйство и хозяйственный быт // *Кавказский этнографический сборник. – М., 1980. Вып. 7. С. 67.*
9. **РОО. Т. 2. – Орджоникидзе, 1984. С. 10.**
10. **Архив внешней политики России, ф. Осетинские дела, 1743–1752 гг., оп. 128/II, д. 3, л. 103–104.**
11. **Российский государственный исторический архив, ф. 796, оп. 26, д. 373, л. 79.**
12. **Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов. – Нальчик, 1957, т. 2. С. 133–134.**
13. **Княпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.** Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. – М., 1984. С. 25
14. **История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. В двух томах. – Орджоникидзе, 1987. Т. 1. С. 205.**
15. **«Гордость и украшение нашего края» // Дарьял. – Владикавказ, 1995. № 4. С. 204.**
16. **Государственный архив Ставропольского края. Ф. 16, оп. 1, д. 1728, л. 102.**
17. **Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 2, оп. 1, д. 643, л. 1 об.**
18. **Терские ведомости, 1869, 24 декабря.**
19. **Циркуляр Кавказского учебного округа, 1878, № 3. С. 54–55; Терские ведомости, 1878, № 22.**
20. **Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф.130, д. 714, л. 5.**
21. **Терские ведомости, 1888, № 51.**
22. **Шогецуков А.О.** Дороги. Стихи. – М., 1981. С. 92.
23. **Абдуллаев А.А.** Литература Узбекистана. – Ташкент, 1970. С. 223.